

3-й экз.

МОСКВИТЯНИНЪ,

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЪ.

ЧАСТЬ I.

№ 1.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.

1846.

Казначея старца Гурія з братією вотчины ихъ монастырськія Осташковскія слободы крестьянинъ Аничка Зиновьевъ сынъ Поневинъ, даъ сю живую запись з детьми своими и со внучаты Государю Отцу Архимандриту Алексію, Государю Келарю старцу Герману, казначею старцу Гурію з братією въ томъ, что жить мнѣ Аничка з детьми своими и со внучаты за Господиимиъ Монастыремъ попрежнему во крестьянствѣ вѣчно. И живучи мнѣ Аничка з детьми своими и со внучаты Государской всяки подати и монастырськія оброки и мирскія разходы въ Осташковскую слободу платити вмѣсть съ мирскими людьми по окладу безъ посылки и безъ волокиты мирскихъ людей; а отъ Іосифова монастыря неоткладати, и ни за кого никакими крѣпостными не крѣпитьца. А поруково по мнѣ Оничкѣ з детьми и со внучаты в житиye и во всякихъ поборѣхъ и мирскихъ разходахъ Іосифскія крестьяне Данила да Алексѣй Григорьевы дѣти Мигочевы. Въ томъ я Аничка з детьми и со внучаты своими и с поручниками сю живую запись далъ. А запись писалъ по моему Аничкину з детьми и со внучаты своими и с поручниками величью земскихъ дѣль подьячій Онупрійка Казачкинъ.

Года неизвѣично, но писана сія запись послѣ предшествовавшихъ семи записей. На оборотѣ листа подпись

«К сей записи вмѣсто Аничка Зиновьевы сына и вмѣсто дѣтей suo, и вмѣсто Алексѣя Григорьевы и ее вмѣсто Данилы Григорьевы по ихъ величью руку» приложилъ.

ПИСЬМО ДЕЖУРНОГО ГЕНЕРАЛА 4-Й АРМІИ П. А. КИКИНА КЪ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ А. С. ШИШКОВУ.*

Послѣ отъѣзда Вашего изъ Арміи, мы ни очемъ другъ къ другу не писали. Не мудрено: оба лѣнивы. Къ тому же и обстоятельства были таковы, что не до писемъ.—Каждый страдалъ душою, и съ

* Изданье имѣть честь получить этотъ документъ письмо отъ Его Превосходительства, Н. Ф. Смирного, при съдающемъ письмъ:

М. Г. М. Н. Имѣть честь служить въ прошедшую достославную отечественную 1812 года войну Экспедиторомъ Канцеляріи покойнаго Генерала-Фельдмаршала, Съѣтѣвшаго Князя, Михаила Иларіоновича Голенищева Кутузова-Смоленскаго, магистрата представилась возможность получить за собственоручнымъ подписаніемъ письмо къ бывшему Государственному Секретарю А. С. Шишкову дежурного Генерала 4 Арміи П. А. Кикину, бывшаго въ посольствѣ Статс-Секретаремъ и докладчикомъ всеподданѣйшихъ прошеній въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Благословленаго. Въ этомъ письмѣ тогда еще прояснилась мысль о сооруженіи въ Москве храма во имя Христа Спасителя на память грандиозныхъ язвъ о нашей безпрѣдельной къ Нему привязательности за спасеніе гибнувшаго Отечества, и за прославленіе имени Апостольшаго и Благотворительной роли человѣческаго Александра I премише всѣхъ Владѣмъ землихъ. Считая, что содержаніе этого письма любопытно для всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, и имѣю честь препроводить у сего точ-

сокрушеніемъ сердцемъ, ожидаю общаго спасенія отъ единаго милосердія. Всеъвшияго. Нужно ли было чувства свои описывать другому, когда всѣ состоянія были въ одномъ положеніи, и ни какое отдаленіе ни кого не спасало; — одно, что дѣйствительно усугубляло сильно страданія наши, и убивало, можно сказать, душу каждого изъ воиновъ, было то, что укоризны цѣлаго Государства падали на нихъ, какъ на защитниковъ отечества, долженствовавшихъ оградить ее отъ гибели, или прежде принести себя на жертву.

Послѣдствія доказали, что всѣ умствованія человѣческія ничтожны, и что остается только покоряться Промыслу. Оборотъ, который принесла война, есть неудобопонятный, и смѣю сказать, что самъ Наполеонъ, съ надменностю, ему единому въ толикой силѣ свойственной, бывшъ въ положеніи напечемъ, едва ли бы могъ возмечтать имѣть подобные успѣхи. Уверить могу, что надлежало быть очевиднымъ свидѣтелемъ, дабы имѣть достаточное понятіе о всемъ происходившемъ; иначе всякое краснорѣчіе тщетно, и самое пылакое воображеніе не удовлетворительно.

Несмѣтная непріятельская сила, по малой мѣрѣ изъ 15-ти народовъ разныхъ соединенная, наводнившая, такъ сказать, Россію, въ теченіи 8-ми недѣль совершенно исчезла, и гордый завоеватель и повелитель всѣхъ Европы, достигшій съ Москвою, казалось, послѣдней цѣли своей, видѣть себя съ

имъ съ оного списка, съ темъ, что не разсудите ли помѣстить его въ издаваемый Вами Журналъ, обогащаемый столь многими незабвенными съѣздами Отечественной славы, пребываю и проч.

кикина.

однимъ слабымъ прикрытиемъ въ рукахъ нашихъ, помышляя единственно о личномъ спасеніи себѣ; разительный урокъ сей да охранитъ каждого отъ самодѣянія, и да согласится всякий, что нѣсть власти, аще не отъ Бога.

Но время приступить къ цѣли моей, для кой всѣмъ и началь письмо сіе.—Кто изъ настѣ не возсыпаетъ теплыхъ молитвъ ко Всевышнему?—Чье сердце не преисполнено благодарности къ Богу, единственному Спасителю нашему?—Кто нечувствуетъ сердечной необходимости озnamеновать признательность свою къ Милосердію Его, явно покровительствующему памъ?—Конечно всѣ и каждый, — сіе безспорно!— Но умы разнообразны, и всякой видитъ по своему; почему мыніе мое подвергаетъ просвѣщеному уму Вашему, отдавая должную ему справедливость.

Всѣ вообще кричатъ: должно соорудить Монументъ; согласенъ и во всѣхъ отношеніяхъ нахожу сіе нужнымъ и даже необходимымъ. — Но вотъ бѣда, чтобы согласиться, какой? Иной говорить обелискъ, пирамиду другой, а колонну третій и такъ далѣе, съ разными по ихъ мѣнѣю надписями. Я мыслию, что памятникъ соотвѣтствовать долженъ во всемъ цѣли своей и времени, то есть, когда и для чего воздвигнутъ.

Война сія, повидимому, долженствовавшая рѣшить судьбу Россіи, потрясти основанія гражданскихъ и политическихъ связей ея, и даже самой Вѣры, не есть обыкновенна; почему и памятникъ долженъ быть таковой же.—Провидѣніе Божie, помощію вѣры и народного духа, спасло настѣ. Ему благодарность, и памятникъ Ему же принадлежитъ.

лежить. Боже упаси насть содѣлаться не смысленными обезьянами обезьянъ древнихъ, забывъ, (и въ какое притомъ время), что мы не идолопоклонники. Обелиски, пирамиды и тому подобное, лъстятъ надмѣнности и гордости человѣческой, но ни мало не удовлетворяютъ благородному, благодарности преисполненному сердцу Христіанна. И такъ сердце мое и умъ согласно требуютъ воздвигнуть Храмъ Спасителю въ Москвѣ, подъ именемъ Спасскаго Собора, который однѣтъ можетъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ ожиданію каждого.

Я говорю въ Москвѣ; ибо тамъ въ сердцѣ Россіи, надмѣнъ врагъ чаяль нанести смертный ударъ народу Русскому; тамъ дерзнуль онъ на святотатство; тамъ Провидѣніе положило предѣль пагубнымъ замысламъ его на родъ, человѣческой; тамъ началась гибель несмѣтныхъ силъ вражескихъ.

Воздавъ Божіе Богови, тѣснѣе сопряжемся съ вѣрою, и потомствомъ навсегда имѣть будущее предъ глазами памятникъ признательности нашей къ Нему, а не киченію, присыпающему все себѣ: киченіе недостойное, непростительное и совершенно несправедливое въ сей войнѣ.—Конецъ 18-го столѣтія довольно означеніемъ ложными умствованіями, потрясшими вѣру въ большой части Европы; покарь ей распространялся до конца; но къ счастію нашему однѣ искры успѣли токмо закрасться въ головы мнимопросвещенныхъ.

Ужасныя послѣдствія онаго, угрожавши и намъ самимъ, не должны ли разумѣть насъ?—Не само ли Провидѣніе доставляетъ намъ удобный случай сей, дабы неоспоримо и разительно убѣдить каж-

Но я исконицъ и испрашиваю синихъденія и терпѣнія; у кого журналы на столѣ какъ у васъ, и громада бумагъ какъ у меня, тому, кажется, терпѣніе не учиться.

И такъ еще желалъ бы, (жалъ, что не въ мої власти, и голосъ мой незначащъ), что бы назначено было трехъ-дневное празднество ежегодно въ дни отицѣнія границъ нашихъ отъ сопостата.

1-й день посвященъ быль бы вѣрѣ, и слѣдѣтъ для духовенства со всякою крестной ходы. Молебень съ колѣнопреклоненіемъ и панихида за усопшихъ. Войска подъ ружьемъ.

2-й день празднество военное, дабы ежегодно возобновлялась память славы нашего оружія, и чѣмъ каждый изъ воиновъ обязывается передъ отечествомъ.

3-й день празднество народное, передающее въ потомство бессмертную честь, каковою покрылись въ сюю войну наши православные, и вѣтъ съ тѣмъ вселашній страхъ врагамъ земли Русскіи.

Могъ бы распространяться разсужденіями, доказательствами; но что истинно хорошо; не имѣеть въ ономъ нужды; что же худо, то дѣлается несноснымъ, и для того удержусь, оставя на произволъ рѣшенію Вашему, коему покоряюсь, чувствуя ничтожность силъ своихъ.

Мысли сіи о памятникѣ рождены были уже давно, и гораздо прежде, нежели я получилъ рисунокъ колонны Г. Оленина, въ чёмъ ссылаюсь на Князя Петра Михайловича Волконского; слѣдственно, не имѣя въ виду именно онаго рисунка его, не менѣе, какъ видите, я ожидалъ подобного.

даго въ томъ, что можетъ въ народѣ вѣра! Испанія и Россія ясно то доказываютъ. Предположивъ даже и самого невѣрующаго, не думаю, чтобы могъ не согласиться, по однимъ видамъ такъ называемой политики, что сія есть первая и сильнѣшая пружина, помощью которой правительство можетъ вести многочисленные народы къ цѣли своей; съдѣствено и въ семъ случаѣ благородѣмъ одно заставитъ сдѣлать тоже.

Чувствую, что напрасно распространяюсь о семъ съ Вами: кто лучше и больше вѣсъ убѣженій въ томъ?—И такъ изложу токмо вообще, что бы мнѣ казалось нужнымъ; дополнить и усовершенствовать — вашъ дѣло.

Храмъ Спасителю на великолѣпной площади, (что теперь въ Москвѣ кажется не трудно будетъ); на площади сей изъ неірѣтельскихъ пушекъ сдѣлать искусственно ограду, или другое что, какъ то: врата изъ пирамидъ или колоннъ, предстающіе художникамъ на произволъ, внутри храма помѣстить всѣхъ народовъ съ нами воевавшихъ знамена, штандарты и прочіе трофеи, разумѣется что съ искусствомъ. Въ ономъ храмѣ испремѣнно должно соорудить предѣль усопшимъ на полѣ чести, конюхъ имена вырезать на доскахъ мѣдныхъ; никакихъ чиновъ числомъ съ означеніемъ токмо полковъ; дворянства же всего пониманіо: ибо утѣшительно матери читать има сына своего, или сыну ими отца, положившаго голову свою въ священную минуту защиты оскорблѣнаго и гибнувшаго отечества. Надпись на фронтонахъ по монѣ мыслить придумана лучше быть не можетъ и сообразище цѣли всего памятника, какъ не намъ, Господи, не намъ, во имѧ твоему даждь славу. Ист. 113-й.

Прибавлю токмо то, что я остаюсь при мнѣніи своемъ, и замѣчу, что незнавъ точно художника, могъ бы подумать на Томона, Готенберга и проч., и отнюдь не хотѣть бы съ ними встрѣтиться въ мысляхъ въ подобное время.

Я не болѣе поручилъ бы имъ, какъ искусственное устройство пушекъ во кругъ храма. Сіе принадлежитъ художникамъ, ибо касается до вкуса и науки; а гдѣ должны входить чувства и сердце, то дѣло не ихъ.

Позабыть сказать о важнѣшемъ пожертвованіи, которое я намѣренъ сдѣлать въ семъ случаѣ, и какого ни одна держава сдѣлать не въ состояніи.—Еще за 2500 лѣтъ въ Архипелагѣ на островѣ Мелосѣ находился большой обѣднаній камень, который служилъ жертвенникомъ жителямъ, въ идолопоклонствѣ тогда пребывавшимъ. Съ началомъ же самаго введенія Христіанской православной вѣры, и во время гоненія оной, жертвенникъ сей обращенъ былъ для принесенія на ономъ моленія Господу Богу нашему жителями острова Мелоса, и другими, туда отъ гоненія укрывавшимися.

Англійскій Генералъ Г. Вильсонъ въ путешестіи своемъ, какъ драгоцѣнную рѣдкость, съ большими трудами и пожертвованіями успѣлъ достать онай, и имѣть извѣстіе, что онъ привезенъ уже въ Англію. Его намѣреніе было и прежде отдать его Россіи, ако старшій церкви греческаго исповѣданія; узная же отъ меня о планѣ моемъ подарить его мнѣ, дабы я располагалъ имъ по моему произволу съ условіемъ, чтобы то было въ Россіи. Я увѣренъ, что древность таковой освященная чрезъ толикия столѣтія молитвами ко Всевышнему, дѣйствительно драгоцѣнна.

Еще думаю я, что война сия, прославившая Россию, утвердила и показала целиому силу и могущество ея, распространить пользу и на другие народы, и если Богъ поможет намъ, то Испания, Италия и другія державы одолжены будутъ намъ же спасенiemъ своимъ: въ такомъ случаѣ, конечно онъ захотятъ участвовать въ созиданіи величественнаго и знаменитаго храма своего; украшая его, увеличивать и увѣковѣчнать вѣчность и славу земли Русской.

Не благодарно и несправедливо было бы умолчать, сколько мы обязаны твердости Государя нашего!

Потеря Москвы намъ была тѣмъ разительне, что мы страшились, и, увѣрлю честно вѣстъ, что отъ первого до послѣд资料а всѣ содрогались даже отъ единаго помышленія о мирѣ. — Уничтоженіе, бремя тяжкое, удручило каждого! но твердый и навсегда незабвенный отзывъ Его Полковнику Мило, не однократно и въ разныхъ временахъ имѣвшемъ, не токмо успокоилъ насъ, но вселялъ новую душу, и съ сей минуты просила не со мнѣніемъ надежда возвратить Россію на прежнюю степень ея величія.

Кто не знаетъ, что можетъ надѣять умами человѣковъ твердость единаго изъ нихъ, а тѣмъ наче Царя своего.

Безпредвѣтный историкъ конечно выведетъ ужасныя послѣдствія, которыхъ война сія должна была имѣть для Россіи, если бъ твердость Монарха ся не обратила всѣ бѣдствія въ источники будущаго ея благосостоянія.

Важность войны сей, великія дарованія и могущество противника, совершенное истребленіе всѣхъ

силъ его, и спасеніе отечества помѣстило уже предводителя нашего наряду съ первѣйшими полководцами въ Мирѣ.

Наконецъ мужество арміи и понесенные ею труды, равномѣтров участіе, которое имѣли всѣ сословія гражданъ въ сей незабвенной войнѣ, должны обратить на себя вниманіе.

И такъ можно бы на четырехъ сторонахъ храма соорудить на сей площади еще четыре обелиска: одинъ Императору, другой главноначальствующему, третій войску, четвертый народу. Но здесь останавливается меня одна мысль: приличноли, не надѣйно ли будетъ, воздвигая Храмъ Спасителю, на вѣчную память нашей къ нему признательности, присоединить къ оному памятники, въ честь самимъ памъ сооруженные?

Впрочемъ мнѣніе частнаго человека не есть рѣшительный приговоръ, и я весьма далекъ отъ подобного самолюбія. Предметъ государственный долженъ быть здраво обдуманъ людьми умными и знающими. Написавъ мнѣніе мое, предоставлю въ вашемъ сданіи по усмотрѣнію Вашему, какое угодно употребленіе.

Все что могу надѣлаться, состоить въ томъ, что не откажите мнѣ изѣяніемъ мыслей вашихъ съ откровенностью на сей щетѣ.

Истинно и душевно почитающей и преданный Вамъ

Петръ Кикинъ.

Декабря два, 1812 года.
Городъ Вильно.